

Д. С. Мережковский

Смерть Павла I

Пьеса в пяти действиях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Смерть Павла I: Пьеса в пяти действиях / Д. С. Мережковский – М.: Книга
по Требованию, 2019. – 124 с.

ISBN 978-5-518-01119-9

ISBN 978-5-518-01119-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Первое дѣйствіе

Первая картина

Вахтъ-парадъ. Площадь передъ Михайловскимъ замкомъ. Въ глубинѣ — замокъ и Лѣтній садъ. Справа — деревья, караульная будка и шлагбаумъ, полосатые, въ три цвѣта — красный, черный, бѣлый. Слева — крыльцо экзерциргауза со ступеньками, колонками и стеклянною дверью. Раннее зимнее утро. Сѣрое небо. Вдали слышны барабаны и трубы.

Павель, императоръ. Александръ и Константинъ — великіе князья, сыновья Павла. Гр. Паленъ, военный губернаторъ Петербурга. Депрерадовичъ, генералъ, командиръ Семеновскаго полка. Талызинъ, генералъ, командиръ Преображенскаго полка. Кн. Яшвиль, капитанъ гвардіи артиллерійскаго батальона. Мамаевъ, генералъ. Тутолминъ, полковникъ. Фельдфебель. Солдаты.

Александръ и Константинъ стоятъ на крыльцѣ, грѣясь у походной жаровни.

КОНСТАНТИНЪ. Звѣремъ былъ вчера, звѣремъ будетъ и сегодня.

АЛЕКСАНДРЪ. Вчера троихъ засѣкли кнутомъ.

КОНСТАНТИНЪ. Однихъ кнутомъ, другихъ — шпирутеномъ. А впрочемъ, наплевать, всѣ тамъ будемъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Холодно, холодно, у-у! Руку не согрѣешь. Намедни генералъ Кутузовъ ухо отморозилъ, едва саломъ оттерли.

КОНСТАНТИНЪ. А у нѣмца Канабиха штаны примерзли. Одна пара лосинъ; самъ съ утра моетъ; не высохли, да на морозѣ-то и примерзли; чуть съ кожей не отодрали; деньщикъ деретъ, а нѣмецъ оретъ. Ну, да подѣломъ ему, сволочи: какъ собака на людей кидается; одному солдату усъ выщипнулъ съ мясомъ, другого за носъ укусилъ. А впрочемъ, наплевать...

АЛЕКСАНДРЪ. Воробы-то въ Лѣтнемъ саду какъ раскаркались! Вѣрно, къ оттепели. Когда вѣтеръ съ юга и оттепель, то батюшка сердится.

КОНСТАНТИНЪ. Нынче не отъ вѣтра, чай, а отъ княгини Гагариной. Вчера поссорились.

АЛЕКСАНДРЪ. У меня письмо отъ нея къ батюшкѣ.

КОНСТАНТИНЪ. Хорошо, что письмо. Коли сердиться будетъ, отдай. Родинка, родинка — все наше спасеніе...

АЛЕКСАНДРЪ. Какая родинка?

КОНСТАНТИНЪ. А на правой щекѣ у княгинюшки. Я думалъ сперва, мушка; да нѣтъ, настоящая родинка, и прехорошенькая...

АЛЕКСАНДРЪ. Тише, тише — идти.

КОНСТАНТИНЪ. Спрячемся. Авось, не увидитъ.

АЛЕКСАНДРЪ (крестясь). Господи помилуй! Господи помилуй!

Солдаты маршируютъ. Входитъ Павелъ, махая военною тростью.

ПАВЕЛЪ. Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два! (Останавливаясь.) Смирно-о!

Изъ шеренги въ шеренгу повторяется команда: «Смирно-о! Смирно-о!»

ПАВЕЛЪ. Стой, равняйся!

Солдаты останавливаются и равняются.

ПАВЕЛЪ. Строить фронтъ захожденіемъ взводовъ! Направо кругомъ маршъ!

Солдаты маршируютъ въ противоположную сторону. Барабанъ.

ПАВЕЛЪ (махая тростью). Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два! Ноги прямо, носки вонъ! Штыкъ равняй, штыкъ равняй! Ноги прямо, носки вонъ! Разъ-два, разъ-два, лѣвой-правой, лѣвой-правой, разъ-два!

Павелъ уходитъ.

КОНСТАНТИНЪ. Гляди-ка, Сапа: двѣнадцать шеренгъ, какъ равняются! Самъ бы король Прусскій позавидовалъ. Ахъ, чортъ побери, вотъ это по-нашему, по-Гатчински! А, все-таки, быть бѣдѣ...

АЛЕКСАНДРЪ. А что?

КОНСТАНТИНЪ. Аль не замѣтилъ, въ углу рта жилка играетъ? Какъ у него эта жилка заиграетъ, такъ быть бѣдѣ... Я намедни въ Лаврѣ кликушу видѣлъ, монахи го-

ворять — бѣсноватый: такая же точно жилка; когда подняли Чашу, упалъ и забился...

АЛЕКСАНДРЪ. Что ты, Костя? Неужели батюшка?...

КОНСТАНТИНЪ. Тс-тс. Идетъ.

Входитъ Павелъ, окруженный свитою: командиры Преображенскаго полка Талызинъ, Семеновскаго Депперадовичъ, артиллерійскій полковникъ, кн. Яшвилъ, военный губернаторъ Петербурга, графъ Паленъ и другіе. Солдаты строятся во фронтъ.

ПАВЕЛЪ. Преображенскаго командира сюда!

Талызинъ подходитъ къ Павлу.

ПАВЕЛЪ. Свѣдалъ я, сударь, что вашего полка господа офицеры вездѣ разглашаютъ, будто не могутъ ни въ чемъ угодить. А посему извольте имъ объявить, что легкій способъ кончить сіе — вовсе кинуть, предоставляя имъ всегда таковыми оставаться, каковы прежде мерзки были, что и не премину. Кто не хочетъ служить, поди прочь — никого не удерживаютъ.

ТАЛЫЗИНЪ. Ваше величество...

ПАВЕЛЪ. Молчать! Когда я говорю, слушать, сударь, извольте, а не умничать. Съ удивленіемъ усматриваю, что въ исправленіи должности вашей вы все еще старыхъ рядовъ держитесь, кои болѣе четырехъ лѣтъ искоренить стараюсь. Только въ передней да пляскѣ обращаться, шаркать по паркету умѣете.

ТАЛЫЗИНЪ. Государь...

ПАВЕЛЪ. Молчать! Я изъ васъ Потемкинскій духъ, сударь, вышибу! Туда заплю, куда воронъ костей не заносилъ.

Павелъ, съ Депперадовичемъ, кн. Яшвилемъ и прочею свитою, кромѣ Талызина и Палена, уходятъ.

ПАЛЕНЪ. За что это васъ, генераль?

ТАЛЫЗИНЪ. Солдатъ не въ ногу ступилъ, а у другого растегнулась пуговица.

ПАЛЕНЪ. За пуговицу, — вотъ такъ штука, неудобно ли стаканъ лафита!

ТАЛЫЗИНЪ. Не служба, а каторга! Въ отставку — и кончено!

ПАЛЕНЪ. Да, крутенько, крутенько. А все-таки съ отставкой погодите-ка, ваше превосходительство. Такіе люди, какъ вы намъ теперь нужны особенно. (На ухо.) Эта кутерьма долго существовать не можетъ...

Депрерадовичъ вбѣгаетъ, запыхавшись.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Бѣда! Бѣда!

ПАЛЕНЪ. Что такое?

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Въ девятой шеренгѣ чортъ дернулъ поручика скомандовать вмѣсто: «Дирекція направо» — «Дирекція налево». И пошло, и пошло. Люди съ шагу сбились, ошалѣли отъ страха, команды не слушаютъ; командиры, какъ угорѣлые, мечутся. А государь только кричить: «Въ Сибирь!»

ПАЛЕНЪ. Помните, господа, въ прошломъ-то году Измайловскому полку скомандоваль: «Направо кругомъ маршъ — въ Сибирь!» Такъ вѣдь и пошелъ весь полкъ къ Московской заставѣ и дальше по тракту, — остановили только у Новгорода. Вотъ и теперь, пожалуй, — прескверная штука, неудобно ли стаканъ лафита!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Пропали, пропали мы всѣ!

Солдаты маршируютъ. Входитъ Павелъ.

ПАВЕЛЪ. Смирно-о!

Солдаты останавливаются.

КОНСТАНТИНЪ (на ухо Александру). Жилка-то, жилка, смотри! Ну, теперь только держись!

АЛЕКСАНДРЪ (крестясь). Господи помилуй! Господи помилуй!

ПАВЕЛЪ. Въ пятой шеренгѣ фельдфебель — коса не по мѣркѣ. За фронтъ!

Фельдфебеля подводятъ къ Павлу.

ПАВЕЛЪ. Что у тебя на затылкѣ, дуракъ?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (заикаясь). К-коса, ваше величество.

ПАВЕЛЪ. Врешь! Хвостъ мышій. Мѣрку!

Подаютъ палочку для измѣренія косъ. Мѣрить.

ПАВЕЛЪ. вмѣсто десяти вершковъ, семь. Булки выше середины уха. Пудра сыпалась, войлокъ торчитъ. Какъ же ты съ такою прической во фронтъ явиться смѣлъ, чучело гороховое?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (заикаясь). П-парикмахеръ...

ПАВЕЛЪ. Я тебѣ покажу, сукинъ сынъ, парикмахера! Булки долой! Косу долой! Все долой!

Срываетъ съ фельдфебеля парикъ и топчетъ ногами.

ПАВЕЛЪ. Срамъ! Срамъ! Срамъ! Бить нещадно! Двѣсти... триста... четыреста палокъ! Генераль Мамаевъ!

Входитъ Мамаевъ.

ПАВЕЛЪ. Извольте, сударь, слѣдить за экзекуціей. Тутъ же на мѣстѣ, безъ промедленія. Съ васъ взыщется.

Уходитъ. Фельдфебеля ведутъ въ эскер-циргаузъ.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (падая на колѣни передъ Александромъ). Ваше высочество, тридцать лѣтъ въ походахъ. У свѣтлѣйшаго князя Суворова. На штурмѣ Измаила раненъ... И какъ собаку, палками! Ужъ лучше разстрѣляли бы!... Батюшка, смилуйтесь!

АЛЕКСАНДРЪ (закрывая лицо руками). Господи! Господи!

МАМАЕВЪ (толкая ногой фельдфебеля). Ступай, чортъ, ступай! (Солдатамъ.) Ну-ка, ребята, живѣе!

Солдаты втаскиваютъ фельдфебеля въ дверь экерциргауза. Туда же — Мамаевъ.

АЛЕКСАНДРЪ. А вѣдь онъ его запереть, Костя?

КОНСТАНТИНЪ. Запереть. Скотина прелютая. Отца не пожалѣть, только бы выслужиться. Ну гдѣ старику четыреста палокъ выдержать! Да, жаль... А впрочемъ, наплевать — всѣ тамъ будемъ... Да ты письмо-то княгини Гагариной, что ли, скорѣе бы отдалъ? Авось, подобрѣть.

АЛЕКСАНДРЪ. Сейчасъ.

Входитъ Яшвилъ.

ПАЛЕНЪ. Что съ вами, князь?

ЯШВИЛЬ. По щекѣ меня...

ПАЛЕНЪ. Ай, ай! Вотъ и кровь! Должно быть, зубъ вышибъ. Примочку бы, а то распухнетъ. И за что васъ такъ?

ЯШВИЛЬ. За цвѣтъ мундирной подкладки у нижняго чина... Сего тиранства терпѣть не можно! Честью клянусь, онъ мнѣ за это...

ПАЛЕНЪ. Не говорите-ка лишняго... А я вамъ лучше вотъ что скажу. (Отводя Яшвиля въ сторону.) Подлецъ, кто говоритъ, молодецъ, кто дѣлаетъ!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Господа, глядите: за Тутолминимъ съ палкою гонится, между шеренгами. Точно въ пятнашки играютъ. Сюда бѣгутъ.

Полковникъ Тутолминъ вбѣгаетъ.

ТУТОЛМИНЪ. Не выдавайте! Убѣть!

Перескакиваетъ черезъ шлагбаумъ и убѣгаетъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ (въ догонку Тутолмину). Въ мажезъ бѣги — на сѣновалѣ спрячешься.

КОНСТАНТИНЪ. Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, Сашенька. Вотъ онъ — ступай!

АЛЕКСАНДРЪ. Не подождать ли, Костя? Видишь, съ палкой. Прибьетъ.

КОНСТАНТИНЪ. Экій ты, братецъ, мямля. Чего зѣвать? Сколько еще народу перепортить. (Подталкивая Александра.) Да ну-же, ступай!

АЛЕКСАНДРЪ (крестясь). Господи, помилуй! Господи помилуй!

Павелъ вбѣгаетъ съ поднятою тростью.

ПАВЕЛЪ. Держи! Держи!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Кого?

ПАВЕЛЪ. Тутолминъ, сукинъ сынъ! Гдѣ онъ?

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Здѣсь нѣтъ, государь.

ПАВЕЛЪ. Врете! Сюда пробѣжалъ. Я самъ видѣлъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Никакъ нѣтъ, ваше величество.

Александръ подходитъ къ Павлу и подаетъ письмо.

АЛЕКСАНДРЪ. Батюшка...

ПАВЕЛЪ. Къ чорту!

АЛЕКСАНДРЪ. Отъ княгини Гагариной...

ПАВЕЛЪ. Давай.

Павелъ читаетъ письмо. Депрерадовичъ всходитъ на крыльцо и становится рядомъ съ Константиномъ.

КОНСТАНТИНЪ (крестясь). Заступи, Царица Небесная! Заступи, Аннушка!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Кажись, дѣйствуетъ.

КОНСТАНТИНЪ. Да, лицо посвѣтлѣло. Усмѣхается. Ну, слава Богу, слава Богу. Вывезла родинка... Молодецъ Аннушка!

ПАВЕЛЪ. Monseigneur.

АЛЕКСАНДРЪ. Sire?

ПАВЕЛЪ. На одно словечко, ваше высочество. Графъ фонъ-деръ-Паленъ, извольте команду принять. А я сію минуту....

Всѣ уходятъ, кромѣ Константина и Депрерадовича. Павелъ беретъ Александра подъ руку.

ПАВЕЛЪ. Ты имѣешь много благородства въ сантиментахъ Сашенька — ты меня поймешь... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ такъ мало знаютъ люди, что такое любовь, и сколь великое таинство скрывается подъ симъ священнымъ именемъ!...

Отходятъ.

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. А тамъ-то, за дверью, слышите, ваше величество, экзекуція...

КОНСТАНТИНЪ. Да, воесть бѣдняга, какъ овца подъ ножомъ. Извергъ Мамайка, должно быть, съ него теперъ третью шкуру спускаетъ...

ПАВЕЛЪ. Анна, Анна! Твой образъ вездѣ предо мною. Мое сердце бьется и вѣчно будетъ биться для тебя одной. Кто изъ смертныхъ, кто станетъ рядомъ съ оною женщиною, несравненною въ чувствахъ моихъ? Никто изъ земнородныхъ. Богъ и она!... Понимаешь, другъ мой, Сашенька?

АЛЕКСАНДРЪ. Понимаю, батюшка. Ахъ, чего бы стоила жизнь человѣковъ, если бы любовь не услаждала ее бальзамомъ своимъ!...

ПАВЕЛЪ. Вотъ, вотъ именно — бальзамъ!

Отходятъ.

КОНСТАНТИНЪ. Спѣлись, видно. На эти дѣла Сашка — мастерь: ему бы актеромъ быть... А тотъ-то все воесть!

ДЕПРЕРАДОВИЧЪ. Просто мочи нѣтъ, ваше высочество. Стойдемте, ради Христа.

КОНСТАНТИНЪ. Нельзя. Батюшка, не дай Богъ, увидить, подумаетъ, что подслушивали. Теперь мѣшать ему не надо, пусть наговорится до-сыта. (Прислушиваясь.) Какъ будто затихъ?... Нѣтъ, опять, пуще прежняго. Тьфу, даже слушать противно!... А впрочемъ, наплевать — всѣ тамъ будемъ...